

Культура. — 2000. — 8 — 14 июня. — С. 8.

Нарушен запрет на устную речь!

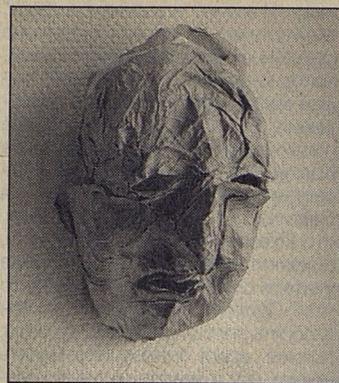
Проект “Копысяне”. Петр Перевезенцев. Пьеса в пяти действиях. Сергей Якунин, Объекты

Мы говорим — мрачный мир Кафки, перевернутый мир Хармса, парадоксальный мир Магритта, тем самым соглашаясь, что мир существует несколько больше, чем один. И что в принципе каждый имеет возможность создать или выбрать — зависит от степени заинтересованности — ту или иную модель действительности. Этот плюрализм — по крайней мере, художественный — дошел до того, что 31 мая 2000 года в Московском центре искусств, носящем простое название “дом”, было показано действие “Копысяне”, или, как было написано в приглашении на билет, выставка, разворачивающаяся в спектакль в пяти действиях. Эта совместная акция двух московских художников — Петра Перевезенцева и Сергея Якунина — является частью одного глобального художественного проекта, носящего загадочное название “Копысы”. Миф о городе-государстве целиком и полностью придуман Петром Перевезенцевым, кроме, быть может, названия. Но “стоянку” древнего племени в Белоруссии и современный художественный проект ничего не связывает. Перевезенцев является и автором, и дотошным археологом, и мистификатором, и увлеченным пропагандистом своего бумажного мира, “погибшего от переусложненности”.

Приведем несколько слов о Копысе из каталога другой, персональной выставки Петра Перевезенцева, прошедшей в ГМИИ им.Пушкина в 1999 году: “Жизнь Копысы была строго регламентирована ритуалами, законоположениями, традиционными предписаниями и запретами. Количество оных все увеличивалось, система усложнялась, отношения запутывались... решения в судах выносились в результате жребия... Обязательным было ношение масок, которые служили своего рода униформой и знаком различия, а порядок их ношения подчинялся еще и неким календарным предписаниям...” Необходимо упомянуть также о законе, запрещающем устное общение, а также о запрете на уничтожение текстов. Благодаря действию двух этих мудрых запретов хранение рукописей стало основным занятием копысян, архивы разрастались, требовали каталогизации и комментариев, пока наконец бумаги и документы не вытеснили людей из “всех сфер жизни” окончательно. Считается, что копысянская цивилизация исчезла, задохнувшись в бумажных лабиринтах... Однако факт исчезновения Копысы до конца не выяснен. Существует точка зрения, что, наоборот, копысянская культура, сменив название, распространилась по очень значительной территории. Недаром многое из обычаев и традиций Копысы ка-

Фото А.ТАРАНИНА

Вверху: проект “Копысяне” в Московском центре искусств. Внизу: работы П.Перевезенцева и С.Якунина

жется нам чрезвычайно знакомым. Причем гораздо более знакомым, чем хотелось бы. Хотя, несомненно, в истории Копысы есть чем интересоваться и перед чем трепетать.

Во всяком случае, так считали зрители, собравшиеся в “доме” в помещении галереи, в центре которой была возведена вращающаяся цилиндрическая конструкция, напоминающая крепостную башню, а скорее даже известный проект военной машины Леонардо да Винчи. Несмотря на воинственный вид, произведение было выполнено из бумаги. От конструкции тянулись веревочки, делающие пространство на зоны-секторы, по которым волей-неволей распределялись зрители. Собственно башня и была постоянным местом и центром действия. В процессе спектакля от башни по веревочкам выезжали специальные деревянные тележки, выбирающие небольшие штандарты с текстом, который, как и предписано, никто из присутствующих не смог прочесть, сама башня оцетивалась острыми зубьями, а в конце вся конструкция пришла в дви-

жение, оборвав все связи-веревочки и уронив все деревянные тележки на пол.

Оба художника, они же действующие лица спектакля, находились внутри башни. Петр Перевезенцев читал вслух текст пьесы, описывающей историю двух копысян, “самозабвенно нарушающих запрет на устную речь”. Отметим, что и сам он при этом злостно нарушал вышеозначенный закон Копысы, хотя и находился при этом в предписанной для данного момента времени и действия маске. Зрители тоже надели положенные для наблюдения незаконное действие маски, не имеющие отверстий для глаз, мастерски выполненные из бумаги Сергеем Якуниным. Так что будем надеяться, приговор копысянского суда не будет слишком строгим.

Использование масок в спектакле многозначно. Маска, будучи традиционным символом театра, предполагает также потерю своего лица, анонимность. В своих ранних выступлениях самого начала 1990-х годов Петр Перевезенцев читал свои стихи — то, что теперь называется

саундпозией, а тогда толком не имело имени, — в маске животного с длинной мордой. С тех пор использование маски усложнилось многократно. Лицо автора прикрыто маской, к тому же он находится внутри непроницаемой башни и недоступен для взгляда зрителя, который также должен надеть маску и воспринимать происходящее уже отчасти по-другому. Рискну предположить, что все эти степени защиты указывают на то, что предметом художественного исследования являются “искажения” в восприятии мира.

Каково же автору, как ему достучаться сквозь все эти помехи в восприятии до зрителя-слушателя? Художник идет по пути наибольшего усложнения. Он отказывается от роли творца и выступает всего лишь в роли интерпретатора, от лица — пусть вымышленного — социума. Он привлекает еще одну интерпретацию — пластическую, выступая в соавторстве с Сергеем Якуниным, оформившим несколько театральных спектаклей.

Теперь немного истории — не копысянской, но связанной с биографиями художников. С детства Петр Перевезенцев делал книги, рисовал их и придумывал. Рукотворные книги — желтоватая бумага, почти “выцветший” карандаш или акварель, создающие иллюзию древних писем, — составили основную корпус документов Копысы. Эти работы не раз были представлены на выставках книг художника наряду с книгами — объектами Сергея Якунина. Его, как правило, объемные композиции, созданные в разное время, составляют своего рода метаиллюстрацию к произведениям Даниила Хармса. Завершением этой многолетней визуальной интерпретации текстов Хармса стал Хармс-кабинет, показанный в Музее декоративного искусства в 1998 году. Первый совместный проект Перевезенцева и Якунина “Новые этнографические студии. Волхвы” состоялся в 1998 году в галерее Велта, и сейчас художники опять объединились на почве Копысы. Представляется, что в соавторстве им удалось создать достаточно убедительный и цельный образ в области, пограничной между книгой и поэзией, театром и изобразительным искусством.

Проект Перевезенцева и Якунина интересен также тем, что он амбивалентен: в нем нашли отражение и большое, и малое — определенные черты как социума, так и отдельной личности. С одной стороны, это доведенная до логического совершенства модель функционирования бюрократического абсурда, с другой — образ замкнутой в себе, интравертной личности, не находящей адекватных связей с окружающей действительностью.

Анна ЧУДЕЦКАЯ

8.6.2000.

Перевезенцев Петр